

Раздел I. Философские и социально-научные основания цивилизационного развития

UDC 304.9

DOI: 10.30936/2227-7951-2019-11-8-27

А.С. АЛЕХНОВИЧ

ГРАЖДАНСТВО, НАЦИЯ И ГОСУДАРСТВО: ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА

***Аннотация:** Статья посвящена проблеме политической субъектности, которая рассматривается при анализе понятий национального государства и гражданского общества. В ходе анализа автор приходит к выводу, что принадлежность к нации означает не столько правовую связь с государством, сколько политическое самоопределение гражданского сообщества. Нация становится политической формой (конституционный субъект легитимации) для воспроизводства гражданского общества (субъект политического действия). В современном глобальном мире институт национального гражданства остается нормативно-правовой основой гражданского общества, которое проявляется как политический субъект справедливости, включая историческое переопределение гражданских прав, поддерживаемых национальным суверенитетом государства.*

***Abstract:** The article is devoted to the study of the problem of political subjectivity, which is considered in the analysis of the concepts of a nation state and civil society. In the course of the analysis, the author comes to the conclusion that belonging to a nation means not so much a legal connection with the state as political self-determination of the civil community. A nation becomes a political form (constitutional subject of legitimation) for the reproduction of civil society (subject of political action). In the modern global world, the institution of national citizenship remains*

Алехнович Александр Сергеевич – младший научный сотрудник Института философии РАН (Москва). Email: alehnovich.san@rambler.ru.

the regulatory framework of civil society, which is a political subject of justice, including the historical redefinition of civil rights, supported by the national sovereignty of the state.

Ключевые слова: *нация, государство, гражданство, гражданское общество, справедливость, политическое, идентичность, субъект.*

Keywords: *state, nation, citizenship, civil society, political, justice, identity, subject.*

Государство и нация. К началу Нового времени в Европе существовало множество форм политических объединений: государства-империи, города-государства, федерации городов, религиозные организации, торгово-экономические союзы, пиратские банды и другие формы правления. Однако только одна форма обогнала их всех и включила в себя — современное национальное государство. Формирование национальных государств исследователи видят в сочетании факторов военно-административного принуждения, экспансии финансово-промышленного капитала и политического структурирования капиталистической системы конкурирующих суверенных государств¹¹. С другой стороны, в создании нации, помимо политического фактора, важное место занимает и культура. Рассмотрим соотношение политических и культурных сил в генезисе нации и характер связи национально-гражданского самоопределения по отношению к государству. Цель статьи — проанализировать и раскрыть условия субъектности в современных политических сообществах.

До эпохи Нового времени этнические общности не становились основой для организации политической власти. Однако растущая сила централизованного государства стимулировала унификацию пестрой социальной жизни на ограниченной территории. Стратегией унификации стал феномен нации и сопутствующий ему национализм, которые позволили оформить разрозненные языковые сообщества в национально-политическую общность.

В научной литературе распространены как минимум три основные позиции касательно проблемы формирования нации: примордиализм (нация как естественная данность), конструктивизм (нация как политический конструкт) и этносимволизм (нация как культурная общность). Поскольку становление наций непосредственно связано с проблемой возникновения современных государств, в своем анализе мы будем обращаться

¹¹ См.: *Тилли Ч.* Принуждение, капитал и европейские государства. 990—1992 гг. — М.: Территория будущего, 2009; *Манн М.* Источники социальной власти: в 4 т. Т.1 История власти от истоков до 1760 года н.э. — М.: Дело, 2018; *Валлерстайн И.* Конструирование народа: раса, нация, этническая группа // *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. — М.: Логос, 2004. — С. 83-103.

ся преимущественно к концепции политической модернизации обществ и конструктивистского подхода к образованию наций.

Конструктивисты считают, что нация – продукт эпохи Модерна, когда новая форма централизованного территориального государства потребовала новой формы политической организации общества. Начиная с Американской и Французских революций, идея нации занимает политическое воображение интеллектуалов. Этот концепт становится символическим ресурсом обоснования государства-нации: через идею нации государство получает суверенитет, а через апелляцию к «общей воле» народа, от имени которого действует правительство, государственная власть приобретает легитимацию. Нация провозглашает саму себя в качестве единственного источника и субъекта власти, ее учреждение является одновременно и актом самопровозглашения, что теперь составляет обязательный компонент всех национальных конституций. За этой идеальной конструкцией политического устройства модернисты видят воображаемую социальную реальность, которая предстает как «культурный артефакт»¹², «продукт убеждений»¹³, «иллюзию национальной идентичности», выступающей основанием политической власти¹⁴.

Иными словами, чтобы нация стала источником власти, ее нужно было изобрести с помощью новых политических институтов, которые формируют условия для гомогенизации социального пространства и создания чувства принадлежности к единому сообществу. Основная черта политической модернизации заключается в распространении принципа нации вширь через развитие системы конкурирующих друг с другом национальных государств и вглубь посредством проникновения государства от имени нации в частную жизнь граждан.

На соотношение государства и нации существуют противоположные точки зрения. Сошлемся только на два определения, учитывающих фактор политической модернизации капиталистических обществ. Согласно М. Веберу, «нация – это общность, которая, как правило, стремится создать собственное государство»¹⁵. По словам И. Валлерстайна, «именно появление государства предшествует появлению нации, а не наоборот»¹⁶.

¹² *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: Кучково поле, 2016. – С. 44.

¹³ *Геллнер Э.* Нации и национализм. – М.: Прогресс, 1991. – С. 35.

¹⁴ *Балибар Э.* Национальная форма: история и идеология // *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. – М.: Логос, 2004. – С. 103, 111.

¹⁵ Цит. по: *Смит Э.* Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. – М.: Праксис, 2004. – С. 41.

¹⁶ *Валлерстайн И.* Конструирование народа: раса, нация, этническая группа // *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. – М.: Логос, 2004. – С. 96.

На наш взгляд, здесь нет противоречия, поскольку речь идет о разных способах становления исторического национализма и понимания политической роли государства в оформлении нации.

Со времен Французской революции понятия нации и государства стали прочно связываться друг с другом¹⁷. Быть членом нации означает — стать членом политического сообщества граждан независимо от этнической, религиозной или расовой принадлежности. Собственно, идея нация и была призвана нивелировать все различия для объединения в одну общность в рамках национального государства, которое становится «единственной легитимной формой политической организации и основным средством коллективной идентичности»¹⁸. Такая модель нации, включающая республиканскую форму правления и принцип равенства всех граждан перед законом, приняла форму гражданского национализма. Политика национального строительства связана с двумя обстоятельствами, которые определяли и продолжают определять характер национальной идентичности в ее отношении к государству и гражданству.

Во-первых, формирование нации характеризуется с точки зрения действующих сил, которые инициируют этот национальный дискурс. С одной стороны, государство конструирует нацию сверху для мобилизации населения в своих целях (официальный национализм). С другой стороны, население сопротивляется и выдвигает требования национального самоопределения снизу (массовый национализм)¹⁹. Первый путь заключался в движении от действующего государства к нации, которая становилась политическим ресурсом осуществления власти от имени единообразного сообщества, признающего свою идентичность. Второй путь разворачивался от формирующейся нации к государству, которого добивались ранее его лишенные этнические общности, использовавшие государство как инструмент защиты своей культурной идентичности и гарантии политической независимости. Сюда подходит определение Геллнера о том, что национализм — это политический принцип, согласно которому национальные и политические границы должны совпадать²⁰.

Исторически официальный национализм являлся адаптацией государства-империй к формату национальных государств, а также реакцией

¹⁷ Согласно известному лозунгу Дж. Мадзини, «каждой нации — государство» и «не более одного государства для каждой нации» (Цит. по: *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. СПб.: Алетейя, 1998. — С. 162).

¹⁸ *Смит Э.* Указ. соч. — С. 138.

¹⁹ *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. — СПб.: Алетейя, 1998. — С. 20-21.

²⁰ *Геллнер Э.* Нации и национализм. — М.: Прогресс, 1991. — С. 23.

на рост национально-освободительных движений на своих территориях²¹. Государство использовало административную и образовательную систему, различные ритуалы и символы, образы национальной истории для создания лояльной и гомогенной национальной общности. При этом идея нации, связанная с французским республиканизмом и неприемлемая для имперского устройства, была переработана в терминах культурно-исторической общности, объединяющей различные этнические группы на одной территории²². Зеркальный имперскому массовый национализм колониальных народов, стремящихся к освобождению, изначально выстраивает себя в терминах культурной исключительности и основывается на общности языка и происхождения.

Таким образом, к XX в. сформировались три модели национализма, описывающие и регламентирующие способ включения в национальное сообщество: гражданско-республиканский (Франция, США), официальный (Германская, Британская, Российская империи) и массовый национализм (например, части Австро-Венгрии – Чехия, Польша, Венгрия, Румыния)²³. Согласно альтернативной позиции Э. Хобсбаума, XX в. встретил два типа национализма – гражданско-политический, основанный на модели гражданской нации и расцветший в Западной Европе, и этнолингвистический национализм, основанный на этническом сепаратизме в Восточной Европе, а затем возродившийся в связи с крахом советского блока²⁴.

Во-вторых, формирование нации характеризуется с точки зрения определяющего фактора, которым может быть гражданская идентичность или этнокультурная общность. Иначе говоря, вопрос заключается в том, определяется ли принадлежность человека или группы к нации на основе гражданского или культурного критерия. Модернисты утверждают, что «национализм порождает нации, а не наоборот», признавая при этом значимость культурной основы для такого строительства²⁵. Как пишет Э. Ба-

²¹ См.: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: Кучково поле, 2016.

²² Примечательно, что идея имперской нации, объединяющая в политическую общность разнообразное по этническому составу население, продолжила свое развитие в 20 веке. Так, в Конституции СССР 1977 года, а затем в Конституции Российской Федерации использовано имперское понятие нации, не совместимое с республиканском пониманием гражданства: не национальное государство с многоэтническим гражданством, а «многонациональное государство» с «многонациональным народом». Точнее, здесь смешались две модели государства – имперская и национальная. См.: *Кантелер А.* Россия – многонациональная империя: Возникновение, история, распад. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.

²³ *Андерсон Б.* Указ. соч. – С. 226.

²⁴ См.: *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. – СПб.: Алетейя, 1998.

²⁵ *Геллер Э.* Нации и национализм. – М.: Прогресс, 1991. – С. 127-128.

либар, без этнической принадлежности, которая не совпадает полностью с «идеальной нацией», патриотические призывы оставались бы не услышанными, так как нация существовала бы как произвольная абстракция. Нация обретает этническую основу по мере того, как национализируется общество, а включенное в него население этнизируется, то есть начинает определять себя в этнических категориях. Культивирование нации невозможно без натурализации чувства принадлежности к естественному обществу, имя которого присваивает себе индивид²⁶.

Э. Смит, представляющий этносимволическую концепцию национализма, выделяет в процессе становления наций современную политическую и этническую составляющие. Национализм – это не только и столько форма политики, но и форма культуры, на основе которой выявляется коллективная идентичность, мобилизующая общность с помощью новых политических и социальных институтов, ориентированных на государство и усиление государственной власти. Согласно Смиту, «понятие нации охватывает вовсе не только одну лишь идею политического сообщества или средства государственной власти, даже обладающего четкими границами, оно также связано с особым культурным сообществом, “народом”, проживающим на своей «родине», историческим обществом и духовной общностью»²⁷.

Смит приводит критические аргументы против понимания нации и национализма как исключительно продукта политического модернизации:

1) Помимо политического существует культурный национализм, который может довольствоваться автономией в рамках другого государства.

2) Модернисты имплицитно опираются на европоцентризм, экстраполируя западный опыт на незападные общества, а именно проводя мысль, что национальное государство появилось в результате революционного или реформаторского преобразования абсолютистского государства.

3) Политическая теория нации создает «проблему дефиниционной редукции», согласно которой понятие нации отождествляется или как минимум включается в понятие национального государства.

4) Наконец, национализм как «субъективный психологический феномен» не позволяет понять связь между структурой национального государства и национальной идентичностью. Такая связь состоит в том, что

²⁶ Балибар Э. Национальная форма: история и идеология // Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. – М.: Логос, 2004. – С. 114.

²⁷ Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. – М.: Практикс, 2004. – С. 148.

государство восстанавливает культурную общность посредством символической формы выражения нации²⁸.

В этой связи Р. Брубейкер пишет о трудностях, возникающих при разграничении гражданского и этнического национализма. В частности, сложности появляются с двусмысленностью критериев при характеристике включения в нацию и исключения из нее. Идея гражданской нации предполагает, что гражданами нации становятся безотносительно к частным особенностям, но «само гражданство по своей природе имеет не только включающий, но и исключающий статус»²⁹. Условием гражданства является наличие неграждан, а включение в нацию предполагает некие исключенные из нее группы. На это указывает этимология латинского слова *patio*, которое в Древнем Риме означало представителей всех остальных групп, помимо граждан (*cives*)³⁰.

Проблема усложняется не только, когда мы идентифицируем гражданскую нацию в противопоставлении негражданам, но и в ситуации гражданства без права образования нации на территории проживания. Брубейкер приводит яркий пример такого положения дел: «у трансильванских венгров <...> вызывает возмущение и неприятие мнимо включающая «гражданственная» риторика национальности, которая трактует их как членов румынской нации. Согласно их пониманию самих себя, они являются гражданами румынского государства, но членами венгерской культурной нации, которая существует независимо от границ государства и гражданства»³¹. В данном случае конструкт гражданской нации распадается на гражданско-правовую принадлежность государству (государственную нацию) и культурную принадлежность нации (культурную нацию), при этом гражданство и нация не совпадают в границах одного государства. Кроме того, остается неясным, что же составляет содержание гражданской нации — граждане одного государства или гражданско-демократические институты.

Вместо указанного методологически сомнительного противопоставления Брубейкер предлагает разделять государственно-фреймированную и контргосударственную формы национализма. В первом случае нация отождествляется с государственными институтами, рамки которых могут включать как гражданский, так и этнокультурный компоненты. Во вто-

²⁸ Смит Э. Указ. соч. — С. 144-148.

²⁹ Брубейкер Р. Этничность без групп. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — С. 256.

³⁰ Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность // Демократия. Разум. Нравственность. — М.: Academia, 1995. — С. 213.

³¹ Брубейкер Р. Указ. соч. — С. 259.

ром случае нация отличается от территориального и институционально-го оформления государства и противостоит таким рамкам, при этом она может пониматься как в этнических, так и гражданских терминах³².

Исходя из вышеизложенного, полагаем, что не существует единого пути формирования нации, поскольку условия европейского и неевропейского исторического опыта были и остаются отличными по своему генезису и условиям. Это различие сказывается на концептуальном содержании понятия нации при определении политической общности. Для формирования идеи нации-государства потребовалось понятие гражданства (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо), которое складывалось в уже существующих централизованных государствах. Здесь государства строили национальные идентичности, для чего использовали механизмы культурной общности. В сообществах, заявивших права на политический суверенитет позже, процесс выстраивался от культурной идентичности к национальному государству. Для первых это был государственный заказ на строительство нации на основе общих гражданских прав, для вторых — потребность в оформлении культурной общности с помощью политических институтов. Другими словами, нация на основе гражданства или гражданство на основе нации.

Итак, *идея нации обеспечивает, во-первых, модель политической организации (государственный суверенитет), и во-вторых, модель культурной идентичности (принадлежность к сообществу)*. Первая модель создает условия для легитимации политической власти, которая действует от имени самопровозглашенного коллективного субъекта (конституционная фикция народа). Вторая модель продуцирует необходимую идентификацию с воображаемым телом нации, которая определяется обращением к общему культурному пространству (тождество), отграничивающему одно такое сообщество от другого (различие). Принадлежность к национальному сообществу имеет двойной смысл: факультативная общность этнической культуры и обязательная общность политической культуры, которая выражает себя через гражданскую солидарность. Иначе говоря, о содержании понятия нации можно говорить не столько в этническом смысле, предполагающем верность культурной традиции (социальная категория), сколько в плане морально-политической общности, признающей взаимные права и обязанности своих членов (политическая категория). И тогда нация будет пониматься ни как результат государственного строительства сверху, ни как активность этнических групп снизу, а как процесс гражданской жизни в горизонте политического участия.

³² Брубейкер Р. Указ. соч. — С. 261-262.

Таким образом, в рамках современного государства понятие нации складывается из культурной общности, объединяющей все локальные сообщества в единое пространство коммуникации, и политической общности, консолидирующей постоянное население в государственную форму организации общественной жизни. В свою очередь, политическая общность состоит из формально-правового института гражданства, связывающего граждан с государством, и гражданской общности, связывающей граждан между собой в гражданское общество. Следовательно, принадлежность к нации означает не столько правовую связь с государством, сколько политическое самоопределение гражданского сообщества, историческим выражением которого выступает нация. *Нация становится политической формой (конституционный субъект легитимации) для воспроизводства гражданского общества (субъект политического действия).*

Если политическая и культурная общности не совпадают в пределах одного территориального государства, то появляется либо национальное государство без нации (националистическая общность), либо контргосударственный этнический национализм, который может формировать культурную идентичность вне области политического суверенитета³³. Следовательно, без фактора гражданского участия теоретическое применение понятия нации сводится к этносу (естественному субстрату) или охлосу (социальной массе), но не демосу (политическому сообществу).

Гражданство и гражданское общество. Как и нация, гражданство является политическим понятием, выводимым из теории современного государства. Общепринятым считается определять гражданство как набор прав и обязанностей, гарантированных авторитетом государства. Поэтому к гражданству автоматически применяется институциональный подход: гражданство состоит из субъективных и объективных условий возможности членства в государственной организации (соответственно — права и институты). В этой связи можно сказать, что гражданство представляет собой парадокс «конкретной абстрактности». Абстрактное определение гражданина над всеми социальными группами, к которым он может принадлежать, придает правам гражданства универсальный харак-

³³ При этом мы осознаем, что описываем не только аналитическую категорию, но и нормативную модель. В действительных исторических условиях такое понимание нации ограничено сложными межэтническими отношениями, формируемыми потребностью в политической автономии. Например, сербская культурная общность рассредоточена между несколькими государственно-территориальными образованиями (собственно Сербия, Республика Сербская в Боснии и Герцеговине и автономия в Косово). Здесь сербский национализм сохраняет этнический характер поверх государственного формата (частично фреймирован государством, а частично находится в контргосударственной автономии).

тер, но только членство в государстве наполняет эту универсальность конкретным содержанием прав, которые обеспечиваются принудительной силой их соблюдения³⁴.

Исследователи выделяют два способа понимания гражданства — как правовой статус и как политическое участие³⁵. В абстракции гражданина типологически совмещаются сразу три роли: субъекта — члена гражданской общности и носителя суверенитета, объекта — обладателя прав и обязанностей, а также клиента — получателя услуг, предоставляемых государством³⁶. Диапазон реального содержания гражданства размещается между пассивным юридическим статусом и активным политическим участием в жизни гражданского сообщества.

Идея универсального гражданства получила свое классическое выражение в прогрессистской концепции Т.Х. Маршалла, который выделил три типа прав гражданства: собственно гражданские, политические и социальные права, которыми постепенно наделялись индивиды в европейских государствах³⁷. Между тем такая идеальная схема не учитывала реальное политическое содержание в соотношении общества и государства, а именно режимы гражданства, типология которых была разработана в исторической концепции М. Манна³⁸. В истории индустриального мира Манн выделил либеральный, реформистский, фашистский, авторитарно-социалистический и авторитарно-монархический режимы гражданства. Все они отличались друг от друга конфигурацией гражданских, политических и социальных прав, которые предоставлялись индивидам.

В.С. Малахов добавляет к этой типологии новые режимы, появившиеся за последние три десятилетия Новейшей истории: патримониальный, авторитарно-капиталистический, неолиберальный и этноцентристский³⁹. В нашу задачу не входит детально анализировать перечисленные типологии применительно к проблеме отношения гражданства и государ-

³⁴ Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество. — М.: Изд. дом ГУ Высшей школы экономики, 2011. — С. 67-68.

³⁵ Малахов В.С. Гражданство как объект социальной и философской теории: критическое введение // Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество. — М.: Изд. дом ГУ Высшей школы экономики, 2011. — С. 8-9

³⁶ Там же. — С. 36.

³⁷ См.: Маршалл Т.Х. Гражданство и социальный класс // Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество. — М.: Изд. дом ГУ Высшей школы экономики, 2011. — С. 145-223.

³⁸ См.: Mann M. Ruling Class Strategies and Citizenship // *Sociology*. — Vol. 21. — No. 3. — 1987. — P. 339-354.

³⁹ Малахов В.С. Гражданство как концепт и институт: что, как и зачем изучать // Гражданство и иммиграция: концептуальное, историческое и институциональное измерение / Под ред. В.С. Малахова, А.Ф. Яковлевой. — М.: Канон +, 2013. — С. 17.

ства. Мы только хотели указать на историческую связь абстрактно-правовой формы и конкретно-политического содержания гражданства, поэтому переходим к анализу политической субъектности при определении характера гражданского действия.

В философии права сложились две традиции при определении понятия гражданства — либерализм и республиканство. По словам Ю. Хабермаса, «в первом случае гражданство понимается по образцу членства в какой-либо организации, которое обосновывает правовое положение [гражданина], во втором — по модели принадлежности к самоопределяющемуся этически-культурному сообществу»⁴⁰. Согласно либеральной традиции, государство представляет собой инструмент для осуществления гражданами своих частных интересов, которые институализируются посредством правового статуса, гарантированного государством. В соответствии с республиканской традицией граждане являются частями политического целого, в рамках которого они могут осуществить себя в практике коллективного самоопределения посредством демократических институтов. Для либерального гражданства основополагающим становятся защита индивидуальных прав и принцип равенства всех перед законом. Быть гражданином означает способность использовать свои права в соответствии с этим принципом, либо добиваться его соблюдения при нарушении индивидуальных прав. При этом отношение к управлению носит инструментальный характер: влияние на политическое управление обосновывается лишь в той мере, в какой это влияние обеспечивает соблюдение равенства прав. Республиканское гражданство основывается на участии в управлении не просто для защиты и урегулирования частных интересов, но для осуществления возможности быть гражданином, способным самоопределяться не по статусу, а по коллективному действию. Иными словами, либерализм ориентирован на действия в пределах соблюдения индивидуальных прав, республиканство — на действия в горизонте общего блага.

Как абстрактное гражданство связано с конкретно-историческим способом политического участия граждан? В какой форме возможна такая гражданская деятельность? Ответом на оба вопроса может стать отсылка к понятию гражданского общества, одного из самых противоречивых терминов социальной и политической философии. Данное понятие употреблялось в совершенно противоположных смыслах: от отождествления с политическим государством (Дж. Локк) до противопоставления

⁴⁰ Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. — М.: Academia, 1995. — С. 219.

государству (Г.В.Ф. Гегель), а отношения государства и гражданского общества описывались либо в антагонистических, либо в партнерских терминах. Кроме того, крайними возможностями в развитии гражданского общества являются замыкание гражданской жизни в частной сфере или поглощение государством.

Тем не менее мыслители разных взглядов сходились на том, что гражданское общество представляет собой сферу частных интересов. Вслед за Локком, Руссо и Гегелем формируется положение, согласно которому частная собственность является основой гражданского общества. В гегелевской, а затем марксистской философии устанавливается устойчивое представление о гражданском обществе как буржуазном обществе⁴¹. В буржуазном обществе частные потребности свободы, безопасности и защиты собственности становятся общественным интересом (общая правовая норма), который гарантируется правовыми инструментами государства.

По Гегелю, гражданское общество — это система взаимной зависимости, в которой частные потребности каждого могут быть удовлетворены посредством удовлетворения потребностей других, а индивиды в нем — «частные лица, целью которых является их собственный интерес». Эта цель опосредуется государством, в рамках которого все случайные единичности обретают свободу от собственного произвола⁴². Государство снимает ограниченные цели частных лиц (буржуа), делая их гражданами, работающими на общую цель. Согласно К. Марксу, гражданское общество является как организационной формой буржуазии, так и базисом «государства и прочей идеалистической надстройки»⁴³. Гражданское общество как общественный строй располагается между способом производства и политическим строем государства. Таким образом, если Гегелем буржуазное гражданское общество рассматривалось в экономическом измерении, то для Маркса — больше в социальном, но в обоих случаях данное понятие выступало как внутренне несвободное и противоречивое общественное образование.

Как отмечает Ф. Ранжон, двусмысленность понятия гражданского общества заключается в том, что обозначает «одновременно в политическом плане государство, а в экономическом плане рыночное общество». Получая в исторической перспективе собственную сферу законодатель-

⁴¹ Собственно, в немецком языке термин «гражданское общество» буквально передается термином *Bürgergesellschaft*, т.е. общество бюргеров (буржуа).

⁴² *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. — М.: Мысль, 1990. — С. 228, 231.

⁴³ *Маркс К.* Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического понимания истории // *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные произведения: в 3 т. Т. 1. — М.: Политиздат, 1980. — С. 71.

ства (частное право), данное общество эмансипируется от государства, сферы публичного права, которое становится преимущественной областью государственного управления. Это отделение частного от публичного нашло выражение в противопоставлении гражданского и политического⁴⁴.

Итак, гражданское общество становится областью социальных отношений, в которой индивиды, наделенные формальными правами, могут согласовывать и регулировать свои частные и групповые интересы без вмешательства государства. Проблема заключается в том, что этими правами индивиды пользуются в пределах тех институциональных возможностей, которые предоставляет государство для того, чтобы сфера частных интересов оставалась независимой от вмешательства самого государства.

Иными словами, гражданство оказывается институциональной инфраструктурой гражданских прав, необходимых для функционирования независимого гражданского общества. Однако деятельность граждан оказывается зависимой от институциональных средств, которыми они пользуются и которые создают возможности быть гражданами и участвовать в процессе политической жизни своего сообщества. Так институциональный принцип переносится с гражданства на гражданское общество, которое прочно отождествляется с неправительственными (неполитическими) институтами⁴⁵.

Данный подход предполагает, что гражданская сфера (добровольные ассоциации граждан) отделена как от политической, так и экономической сферы общественной жизни⁴⁶, т.е. от государства и рынка, что соответствует либеральной триаде гражданского общества, правового государства и рыночной экономики. Автономная сфера гражданского общества становится возможной при децентрализованной экономике (свободный рынок) и централизованном государстве, которое при этом обеспечивает экономический и идеологический плюрализм в качестве условий гражданских прав и свобод⁴⁷.

⁴⁴ Ранжон Ф. Гражданское общество: история понятия [Электронный ресурс] // Пространство и Время. — 2014. — Т. 6. — Вып. 1. URL: http://j-spacetime.com/content/PDF/Том6/2227-9490e-aprovj_e-ast6-1.2014.23.pdf (Дата обращения: 25.07.2019).

⁴⁵ Ср.: «...гражданское общество — это совокупность различных неправительственных институтов, достаточно сильных, чтобы служить противовесом государству и, не мешая ему, выполнять роль миротворца и арбитра между основными группами интересов, сдерживать его стремление к доминированию и атомизации остального общества» (Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. — М.: Московская школа политических исследований, 1995. — С. 14).

⁴⁶ См.: Ховард М.М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе. — М.: Аспект Пресс, 2009; Warren M. *Democracy and Association*. Princeton Univ. Press, 2001.

⁴⁷ Геллнер Э. Указ. соч. — С. 236.

Согласно выводам Д. Коэна и Э. Арато, на смену двухчастной схеме «гражданское общество и государство» приходит трехчастная модель «гражданское, политическое и экономическое общество»⁴⁸. Если политическое и экономическое общество выступают буферными зонами между гражданским обществом, с одной стороны, и государством и рынком, с другой стороны, то само гражданское общество оказывается сферой социального взаимодействия между экономикой и государством. Институциональность проявляется в том, что посредниками между этими сферами выступают комплексы прав: социальные права регулируют отношения гражданского общества с рынком через экономическое общество, политические права регулируют отношения граждан с государством через политическое общество, а гражданские права обеспечивают собственное воспроизводство гражданского общества через организационно-нормативные формы интеграции и коммуникации⁴⁹.

Организационные формы, в которые объективируются институциональные структуры гражданского общества, стали относить к третьему сектору общества по сравнению с государством (первый сектор) и бизнесом (второй сектор). Под третьим сектором понимают деятельность некоммерческих организаций (НКО), отделенных уже не только от правительственных, но и от коммерческих структур. Целью таких организаций является решение социальных задач в области частных интересов и потребностей граждан⁵⁰, которые становятся потребителями (клиентами) таких социальных услуг.

Следовательно, гражданское общество подменяется деятельностью НКО, которые компенсируют уход современного государства от защиты гражданства и сворачивание социальных обязательств государства. Таким образом, рассматриваемая нами непрерывная линия политических концептов от национального государства до гражданского общества обрывается при обсуждении участия граждан в политической жизни, которая заменяется вопросом о социальных услугах населению, гражданская активность которого замыкается на социальной сфере.

Кроме понимания гражданского общества как социальной сферы (в узком смысле), в котором происходит согласование и обеспечение частных интересов, возможна и другая трактовка — как области политического. Гражданское общество может и должно быть политическим субъектом. Такой

⁴⁸ Коэн Дж., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. — М.: Весь мир, 2003. — С. 7-9.

⁴⁹ Там же. — С. 8, 564.

⁵⁰ См.: *Global civil society: Dimensions of the nonprofit sector*, vol. 2 / Eds. L.M. Salamon, H.K. Anheier, R. List, S. Toepler, S.W. Sokolowski. — Bloomfield: Kumarian Press, 2004.

субъект означает, что некая общность — не просто источник власти, которая делегирует полномочия государству, но также может выступать от собственного имени и учреждать свое право на суверенитет не через формальный институт гражданства, а через политическое действие и организацию политических событий (от плебисцита до революций). Здесь необходимо определить содержание политического как области коллективных действий.

В рассмотренных выше концепциях политическое отождествляется исключительно с государственной формой организации социума, а публичная политика, соответственно, с областью общественного интереса, учитываемого при принятии политических решений в системе государственного управления. Иными словами, гражданское общество рассматривается как ориентир для организации и управления социальным порядком. Между тем, гражданская организация социума может означать, что социальная структура поддерживает себя не только с помощью административно-бюрократических управленческих решений, но и с помощью коллективных политических действий.

Если государство является общением граждан с институтами власти (вертикальные отношения гражданства без гражданского общества), то гражданское общество — общением граждан между собой по поводу общего блага. В таком случае сообщество формирует горизонтальные отношения, в которых граждане осуществляют общение как общественно-историческую форму своей деятельности в той же мере, в какой эта форма обуславливает социальный способ их бытия⁵¹. Содержанием такой формы общественно-исторической деятельности является политическое, принципом и сутью которой является справедливость⁵². Следовательно, политическое — это не столько прерогатива государственной власти (отношения господства и подчинения), сколько способ организации общества справедливости, а именно вопрос о способе участия всех граждан вообще и каждого, в отдельности, в общественном благе⁵³.

⁵¹ Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2011. — С. 89.

⁵² См.: Рансьер Ж. Несогласие: Политика и философия. — СПб.: Machina, 2013.

⁵³ Поскольку существует путаница с политико-правовыми понятиями «общее благо» (common good) и «общественное благо» (public good), попробуем сделать теоретическое различие между ними, не претендуя на его окончательный характер. Первое понятие — принцип, согласно которому благо всех возможно на основе блага каждого, а именно быть равными и свободными в своей способности определять условия своего благополучия. Общее благо возможно, если способствует солидарности сообщества. Такой принцип является скорее регулятивной идеей политической практики, чем выражением определенного правопорядка. Второе понятие связано с действительными условиями для осуществления совместной правовой жизни посредством участия всех за счет доступа каждого (например, общедоступные образование и медицина).

Политика в форме государства исторически оказывается отчужденной от общества, которому остается сфера частных отношений. Однако цель политического действия заключается не в частной или корпоративной выгоде и не в государственном управлении, а непосредственно в установлении справедливости. Согласно Аристотелю, политическое возникает не из необходимости жить вместе, а из возможности жить лучше (полития). Гражданская жизнь — это отношения по поводу равенства благ и прав, при этом «принципиальной особенностью общественных благ является их неделимость, т. е. они предоставляются либо всем, либо никому»⁵⁴.

Следовательно, гражданское общество можно понимать как спонтанный (мобилизуемый) политический субъект коллективных действий для решения проблемы равенства, т.е. признания и определения правовых статусов или властных полномочий в справедливой организации социального бытия. Гражданское сообщество существует в состоянии политической субъектности не через традиционные негосударственные и некоммерческие институты (партии, движения и организации), хотя они необходимы для институциональной устойчивости политического процесса, а через сети взаимодействия и коллективного участия. Государство не может присваивать себе политическую функцию целиком, поскольку политическое возникает при разрыве непрерывного социального порядка (поддержания равенства), обеспечиваемого институтами государственного управления (общественный консенсус).

Таким образом, в нашем понимании, гражданское общество, в отличие от третьего сектора в либеральной теории, представляет собой полноту политической субъектности, которая появляется, когда становится невозможным поддерживать консенсус относительно участия в общем благе. Третий сектор выражает правовое состояние, когда нация и население совпадают как объект получения социальных услуг (клиентская периферия государства). Гражданское общество, являясь актуальным исторически виртуально-правовой конструкцией нации, возвращает политику в государственную форму социальной жизни (политическое ядро государства).

Заключение: политическая субъектность и государство. В современном глобальном мире реальность национального государства, как и границы гражданско-политической общности, начинает существенно пересматриваться. Хабермас считает, что связь гражданства и национальной идентичности носила искусственный и временный характер, необходи-

⁵⁴ *Шевченко А.А.* Политическое гражданство и политическое участие // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер.: Философия. — 2012. — Т.10. — Вып. 3. — С. 110.

мый национальному государству для исторического самоутверждения по отношению к другим нациям⁵⁵. Он предлагает рассматривать универсальную гражданскую идентичность, не связанную с государственной организацией социальной жизни. Такая идентичность утверждается на «укорененных в политической культуре правовых принципах, а не на особой этнически-культурной форме жизни в целом»⁵⁶. Тем самым демократическое гражданство, основанное на принципе политической аккумуляции без этнокультурной ассимиляции, «может подготовить путь для утверждения статуса гражданина мира»⁵⁷. Иными словами, Хабермас проводит идею транснационального гражданства, пришедшую на смену понятию интернационального класса.

Логика таких рассуждений прокладывает себе путь от национальной гражданско-государственной идентичности к универсальной идентичности во всемирно-гражданском обществе. Проблема космополитизации гражданского общества открывается не в детерриторизации института гражданства, упакованного в национальное государство, а в отсутствии основы для политической субъектности. Международное обеспечение универсальных гражданских прав не является условием создания глобального политического сообщества, поскольку *гражданско-политическая субъектность может действовать в направлении справедливого социального порядка в пределах конкретно-исторического сообщества, а не всемирно-гражданского состояния в целом.*

Для существования всемирного гражданского общества необходима всемирная нация, которая по своему охвату культур может быть только имперской, что представляется маловероятным в силу возрождения многополярного мира и нарастающего противостояния мировых и региональных государств, претендующих на цивилизационную гегемонию. На практике глобализация института национального гражданства ускоряет переход от государственной нации к постнациональному государству, действующему в логике корпоративных интересов. Постнациональная стадия общества и глобальной порядок рыночной культуры запускает фрагментарные и гибридные общности с подвижными идентичностями, которые не совпадают с границами национальных государств. В постнациональном государстве исчезают условия для политического сообщества, определяющего себя через коллективные действия, целью которых является благо от совместной жизни.

⁵⁵ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. – М.: Academia, 1995. – С. 215.

⁵⁶ Там же. – С. 243.

⁵⁷ Там же. – С. 244.

Гражданская организация нации определяет природу национально-государства. Принцип гражданского самоуправления, как и понятие государственной автономии, связан с принципом национально-государственного суверенитета. Автономия выражает признаваемую межнациональными институциями способность государства определять и выполнять свои собственные стратегические цели. Самоуправление граждан возможно в той степени, в которой такие стратегии формируются гражданским участием, придающим легитимность государственной автономии. Суверенность удостоверяет основания коллективных действий политического сообщества в соответствии с общим благом, что фактически означает свободу граждан в определении условий своей общественной жизни⁵⁸.

Таким образом, *гражданство остается нормативно-правовой основой гражданского общества, которое является политическим субъектом справедливости, включая историческое переопределение гражданских прав, поддерживаемых национальным суверенитетом государства*. Без этого условия государство как нормативная функция социального порядка и безопасности может быть приватизировано и использовано в корпоративных или частных интересах, что означает конец политического.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М.: Кучково поле, 2016. — 416 с.
2. *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. — М.: Логос, 2004. — 288 с.
3. *Брубейкер Р.* Этничность без групп. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2012. — 408 с.
4. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. — М.: Мысль, 1990. — 524 с.
5. *Геллнер Э.* Нации и национализм. — М.: Прогресс, 1991. — 320 с.
6. *Геллнер Э.* Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. — М.: Московская школа политических исследований, 1995. — 222 с.
7. *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя: Возникновение, история, распад. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 344 с.
8. *Капустин Б.Г.* Гражданство и гражданское общество. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2011. — 224 с.
9. *Козн Дж., Арато Э.* Гражданское общество и политическая теория. — М.: Весь мир, 2003. — 784 с.
10. *Малахов В.С.* Гражданство как концепт и институт: что, как и зачем изучать // Гражданство и иммиграция: концептуальное, историческое и институциональное измерение / Под ред. В.С. Малахова, А.Ф. Яковлевой. — М.: Канон +, 2013. — С. 6-32.
11. *Мани М.* Источники социальной власти: в 4 т. Т. 1. История власти от истоков до 1760 года н.э. — М.: Дело, 2018. — 760 с.
12. *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные произведения: в 3 т. Т. 1. — М.: Политиздат, 1980. — 640 с.

⁵⁸ *Хелд Д.* Модели демократии. — М.: Дело, 2014. — С. 484.

13. Ранжон Ф. Гражданское общество: история понятия [Электронный ресурс] // Пространство и Время. – 2014. – Т. 6. – Вып. 1. URL: http://j-spacetime.com/content/PDF/Tom6/2227-9490e-argovr_e-ast6-1.2014.23.pdf (Дата обращения: 25.07.2019).
14. Рансьер Ж. Несогласие: Политика и философия. – СПб.: Machina, 2013. – 192 с.
15. Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. – М.: Праксис, 2004. – 464 с.
16. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. – М.: Территория будущего, 2009. – 328 с.
17. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. – М.: Academia, 1995. – 252 с.
18. Хелд Д. Модели демократии. – М.: Дело, 2014. – 544 с.
19. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. – СПб.: Алетейя, 1998. – 305 с.
20. Ховард М.М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 191 с.
21. Шевченко А.А. Политическое гражданство и политическое участие // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер.: Философия. – 2012. – Т. 10. – Вып. 3. – С. 108-113.
22. *Global civil society: Dimensions of the nonprofit sector*, vol. 2 / Eds. L.M. Salamon, H.K. Anheier, R. List, S. Toepler, S.W. Sokolowski. – Bloomfield: Kumarian Press, 2004. – 335 p.
23. Mann M. Ruling Class Strategies and Citizenship // *Sociology*. – Vol. 21. – No. 3. – 1987. – P. 339-354.
24. Warren M. *Democracy and Association*. – Princeton Univ. Press, 2001. – 280 p.

BIBLIOGRAPHY

1. Anderson B. Vooobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma. – М.: Kuchkovo pole, 2016. – 416 s.
2. Balibar E., Vallerstain I. Rasa, natsiya, klass. Dvumyslennyye identichnosti. – М.: Logos, 2004. – 288 s.
3. Brubeyker R. Etnichnost bez grupp. – М.: Izd. dom GU VSHE, 2012. – 408 s.
4. Gegel G.V.F. Filosofiya prava. – М.: Mysl, 1990. – 524 s.
5. Gellner E. Natsii i natsionalizm. – М.: Progress, 1991. – 320 s.
6. Gellner E. Usloviya svobody. Grazhdanskoe obshchestvo i ego istoricheskie soperniki. – М.: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 1995. – 222 s.
7. Kappeler A. Rossiya – mnogonatsionalnaya imperiya: Vozniknovenie, istoriya, raspad. – М.: Progress-Traditsiya, 2000. – 344 s.
8. Kapustin B.G. Grazhdanstvo i grazhdanskoe obshchestvo. – М.: Izd. dom Gu VSHE, 2011. – 224 s.
9. Koen Dzh., Arato E. Grazhdanskoe obshchestvo i politicheskaya teoriya. – М.: Ves mir, 2003. – 784 s.
10. Malakhov V.S. Grazhdanstvo kak kontsept i institut: chto, kak i zachem izuchat // Grazhdanstvo i immigratsiya: kontseptualnoe, istoricheskoe i institutsionalnoe izmerenie / Pod red. V.S. Malakhova, A.F. Yakovlevoy. – М.: Kanon +, 2013. – С. 6-32.
11. Mann M. Istochniki sotsialnoy vlasti: v 4 t. T. 1. Istoriya vlasti ot istokov do 1760 goda n.e. – М.: Delo, 2018. – 760 s.
12. Marks K., Engels F. Izbrannyye proizvedeniya: v 3 t. T. 1. – М.: Politizdat, 1980. – 640 s.
13. Ranzhon F. Grazhdanskoe obshchestvo: istoriya ponyatiya [Elektronnyy resurs] // Prostranstvo i Vremya. – 2014. – Т. 6. – Вып. 1. URL: http://j-spacetime.com/content/PDF/Tom6/2227-9490e-aprov_r_e-ast6-1.2014.23.pdf (Data obrashcheniya: 25.07.2019).
14. Ranser Zh. Nesoglasie: Politika i filosofiya. – SPb.: Machina, 2013. – 192 s.
15. Smit E. Natsionalizm i modernizm. Kriticheskiy obzor sovremennykh teoryi natsiy i natsionalizma. – М.: Praksis, 2004. – 464 s.
16. Tilli Ch. Prinuzhdenie, kapital i evropeyskie gosudarstva. 990–1992 gg. – М.: Territoriya budushchego, 2009. – 328 s.

17. Khabermas YU. Demokratiya. Razum. Nravstvennost. – М.: Academia, 1995. – 252 s.
18. Kheld D. Modeli demokratii. – М.: Delo, 2014. – 544 s.
19. Khobsbaum E. Natsii i natsionalizm posle 1780 goda. – SPb.: Aleteyya, 1998. . – 305 s.
20. Khovard M.M. Slabost grazhdanskogo obshchestva v postkommunisticheskoy Evrope. – М.: Aspekt Press, 2009. – 191 s.
21. Shevchenko A.A. Politicheskoe grazhdanstvo i politicheskoe uchastie // Vestnik Novosibirskogo gos. un-ta. Ser.: Filosofiya. – 2012. – Т. 10. – Вып. 3. – S. 108-113.

Поступила в редакцию 16.08.2019 г.